

Interdiscursiveness of the diplomatic discourse

There is considered the issue of interdiscursiveness of the diplomatic discourse. The expression “institutional character of the discourse” is represented as the key one, which means that there are various types of discourse that appear in different institutions. There are given the examples of interaction of the diplomatic discourse with others (political, mass media discourse, juridical and military discourses), shown the way they cross.

Key words: *diplomatic discourse, mass media discourse, juridical discourse, military discourse, interdiscursiveness, institutional character.*

(Статья поступила в редакцию 8.07.2014)

А.В. БОГАТЫРЕВ
(Волгоград)

ЦИТАТА В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Представлены результаты исследования функций цитаты в рамках юридического дискурса. Рассматриваются функциональные возможности цитирования через интертекстуальную связь с текстом-донором. Выявляются комбинации цитаты и экспрессивно-стилистических средств языка; цитаты и средств убеждения. Определены функции и значение этих комбинаций в текстах юридического дискурса.

Ключевые слова: *цитата, юридический дискурс, фигуры интертекста, комбинации, функции.*

Развитие демократических институтов государства способствует тому, что в рамках современной лингвистики растет интерес к проблемам риторики, а юридическая практика все более глубоко проникает в социальную сферу. В настоящее время идет формирование «другого» вида риторики – юридической [10, с. 56], которая приходит на смену традиционной судебной. При этом судебная риторика становится составной частью юридической, ведь «судебные речи не ограничиваются только прениями сторон. Сам судебный про-

цесс – это лишь видимая часть айсберга, т. е. следствия, которое иногда длится годами» [Там же, с. 57]. В ведение юридической риторики, таким образом, включаются также, помимо судебных речей, речь-консультация адвоката, допрос как специфическая форма диалога и др. [Там же]. Немаловажной является работа в изучении всех составляющих данного новообразования, в частности исследование в рамках юридического дискурса такого явления, как интертекстуальность. Примечательно, что в научном сообществе нельзя увидеть единой точки зрения ни на дискурс, ни на интертекстуальность. Ученые сходятся в том, что «интертекстуальность – понятие, сложное для использования ввиду чрезвычайной неопределенности и расплывчатости его содержания» [20, с. 109]. Одна из причин такой неопределенности состоит в следующем: приемы использования чужой речи (фигуры интертекста), в частности цитата, до сегодняшнего дня не изучены в достаточной мере и даже не получили исчерпывающих дефиниций. К примеру, использование выражения «цитирование без ссылки» можно понять как аппликацию, аллюзию или травестирирование [11, с. 5].

В данной статье мы рассмотрим функционирование цитаты в рамках юридического дискурса. Цитата в узком понимании – фигура интертекста, представляющая собой «дословное воспроизведение фрагмента текста, сопровождаемое ссылкой на источник» [Там же, с. 78]. В оппозиции к этому подходу находится широкое понимание цитаты как дословного воспроизведения фрагмента текста-донора.

1. Вне зависимости от наличия ссылки на источник. В частности, Н.А. Фатеева выделяет цитату с атрибуцией и цитату без атрибуции [17, с. 122–128]. На наш взгляд, с таким широким подходом можно согласиться, однако использование термина *цитата с атрибуцией / без атрибуции* и значение слова *цитата* в повседневной речи (дословная выдержка из текста) могут привести к неоднозначному восприятию: вероятно подмена научного термина бытовым, и наоборот. Назвать цитату дословным воспроизведением текста-донора без ссылки на источник нельзя и потому, что данный прием в этом случае будет рассчитан на знание и актуализацию текста-донора в памяти адресата. Таким образом, реализация интертекстуальных связей будет иметь иную

природу, нежели чем при узком понимании цитаты, на которое мы опираемся.

2. **Вне зависимости от точности воспроизведения текста-донора.** Так, Б.С. Шварцкопф характеризует цитату как «более или менее точное воспроизведение в данном контексте отрезка текста, принадлежащего другому лицу» [19, с. 663]. В этом случае «степень ассимиляции цитаты в новом контексте может быть различной» [9, с. 96]. Однако, если не принимать во внимание критерий дословности воспроизведения текста-донора в цитате, мы не сможем разграничить такие явления, как цитата и пересказ, цитата и ложное цитирование и проч.

В контексте вышесказанного в данной статье мы опираемся на узкое определение цитаты, в рамках которого соблюдаются условие атрибуции (указания автора текста-источника) и условие дословного воспроизведения текста-донора.

Дискурс (франц. *discours* — речь) понимается нами как текст в совокупности с экстралингвистическими факторами; текст в событии; речь, «погруженная в жизнь» [2, с. 136–137]. Дискурс обозначает текст в неразрывной связи с «ситуативным контекстом, определяющим все то, что существенно для порождения данного высказывания/текста, в связи с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом» [18, с. 135]. Сферой формирования и функционирования судебного дискурса является зал суда. Юридический дискурс – это более широкая коммуникативная сфера, включающая в себя судебную речь, комментарии юриста к закону, тексты самих законов, интервью адвоката по громкому судебному процессу и т.д.

На наш взгляд, исследование функций цитаты в рамках юридического дискурса наиболее полно будет отражено в следующих аспектах:

1. Соотношения цитаты с текстом-донором (пре-текстом). Данный подход позволит нам:

- структурировать источники цитирования в рамках юридического дискурса;
- обосновать выбор обращения юриста к тем или иным пре-текстам;
- определить функциональные возможности цитирования через интертекстуальную связь с текстом-донором.

2. Взаимодействия цитаты в юридическом дискурсе с экспрессивно-стилистическими средствами языка и средствами убеждения, что позволит нам:

– выявить комбинации цитирования и экспрессивно-стилистических средств языка; цитирования и средств убеждения;

– определить функции и значение этих комбинаций в текстах юридического дискурса.

В рамках юридического дискурса источник (= текст-донор, пре-текст) цитаты может анализироваться по ряду критериев.

1. Юридический / неюридический источник цитаты.

Частотным в рамках юридического дискурса является формирование цитаты посредством текста-донора, заимствованного из правовой сферы.

1. Законы и нормативно-правовые акты. В рамках юридического дискурса информация, заимствованная из законов и нормативно-правовых актов, воспринимается как аксиома, поэтому цитата, опирающаяся на данный свод текстов, становится эффективным средством убеждения, выполняющая следующие функции.

Разъяснительная и информативная функции. *Дело в том, что по старому советскому закону суд был в Уголовно-процессуальном кодексе впряжен в одну колесницу. Одни и те же задачи по закону ставились перед оперативниками, следователями, прокурорами и судьями. Там написано было, что задачами советского уголовного розыска являются: раскрытие преступлений, избличение виновных. И эти задачи ставились в том числе и перед судом [7].*

Аргументирующая функция. Типична ситуация, когда цитата, опирающаяся на законодательство, неотделима от аргумента к авторитету. Авторитетом в данном случае выступает сам закон: *Должны последовать предусмотренные законом санкции. В соответствии со ст.7 Гражданского кодекса России – это обязанность опубликовать опровержение и компенсировать оппороченному человеку моральный вред [13].*

Устное цитирование по памяти всегда ставит оратора в сильную речевую позицию. Если юрист использует в качестве пре-текста законы и нормативно-правовые акты, то этим он подчеркивает свою компетентность, свой профессиональный уровень. Таким образом, цитата может выполнять функцию повышения авторитета оратора перед аудиторией: *Мне вообще не нравится американская система назначения наказания. Потому что я видел на сайте вопрос: сколько Мейдофф получил бы в России. По памяти цитирую Уго-*

ловный кодекс, за все, все он получил бы 15 лет [3].

2. Официальные документы и материалы судебного дела. К ним можно отнести судебные речи, протоколы допросов свидетелей, решения и приговоры суда и т.д. Материалы судебного дела, в том числе и решение суда, в рамках юридического дискурса не являются аксиомой, поэтому цитата, опирающаяся на данный свод текстов, нередко сопровождается авторской оценкой. Оценка может выражаться специальной лексикой: *В обвинительном заключении сухим канцелярским слогом написано: «Преступление совершено из корыстных побуждений». Я думаю, что это слишком примитивно. Даже если бы мы имели дело с отпетым человеком, которого прирожденная жестокость или преступная среда, отрицание всех нравственных начал превратили в одинокого волка, рыщущего среди людей в поисках пищи, то и для него убийство из корысти своих родителей было бы из ряда вон выходящим злодейством [15].*

В данном примере мы видим, что цитата наряду с лексикой (*сухим канцелярским слогом, слишком примитивно*) позволяет дать оратору оценку обвинительного заключения, которое в данной ситуации выступает как оппонент оратора (адвоката); цитата из обвинительного заключения – как тезис оппонента. Комбинация «цитата + оценочная лексика» подготавливает аудиторию к опровержению тезиса, которое, в конечном счете, строится на экспрессивно-стилистических средствах языка: эпитетах (*отпетый*), развернутой метафоре (*одинокий волк, рыщущий среди людей в поисках пищи*).

Для текстов юридического дискурса в опровержении цитаты (тезиса) оппонента типично использование экспрессивно-стилистических средств языка, которые формируют психологические аргументы. Один из самых частотных – аргумент к жалости.

Доведение до самоубийства! Вдумайтесь в страшный смысл этого тяжкого обвинения, товарищи судьи! Что должно было скрываться за этой краткой, но достаточно выразительной юридической формулировкой? Какие отношения? Какие люди?

Горькая картина должна была бы развернуться перед вами, не картина смерти, так красноречиво здесь обрисованная обвинителем, а изображение предшествующих этой смерти страданий, унижений, боли, безысходности. Вы должны были бы здесь увидеть сильного, сурового, нет, не сурового, а жесто-

кого, своевольного человека и мысленно представить себе его слабую, глубоко несчастную, мятущуюся жертву [14].

Оратор намеренно рисует нам эмоциональную картину, страдания жертвы (а не преступника), потому что жертвой оказалась возлюбленная подозреваемого. Юрист взывает к человеческим качествам суда, заставляет их представить себя на месте «якобы преступника» и понять всю абсурдность обвинения. В структуре опровержения тезиса и построения психологического аргумента к жалости мы видим нагнетание эпитетов (*страшный смысл, тяжкое обвинение, горькая картина*), риторических вопросительных конструкций, метафоры (картина смерти), фигур контраста (*краткая, но выразительная; сильного, сурового, жестокого – слабую, несчастную, мятущуюся*). Цитата выступает здесь как заведомо неверный тезис. Если выразиться образно, то цитата является «жертвой», которая дается на «растерзание» доводам оратора. Ее назначение – появиться перед аудиторией, чтобы эта самая аудитория впоследствии усомнилась в правдивости и правоте смысловой составляющей тезиса оппонента.

Фигуры речи и тропы в комбинации с цитатой придают юридическому тексту эмоциональность, текст становится динамичным. Логика (тезисы в форме «цитат», доводы оратора) переплетается с элокуцией.

Пожалуйста, получите позитив: «Все действия подсудимых и неуставовленных соучастников явным и недвусмысленным образом выражали религиозную ненависть и вражду, что выразилось в поведении, противоречащем общественным нормам поведения в православном храме. Действия подсудимых глубоко оскорбили и унизили чувства и религиозные ориентиры потерпевших» (с. 34). Суд творит откровенный произвол, попирает принцип правовой определенности. Получается, одни и те же действия можно квалифицировать и по Административному и по Уголовному кодексам. Безосновательно. Как вздумается следователю и судье или применительно к властному заказу. <...> И все же: как-то очень неконкретно о ненависти и вражде. У кого, к кому? Ответ дает следующий пассаж из приговора: «Суд приходит к убеждению, что действия Толоконниковой Н.А., Самуцевич Е.С., Алехиной М.В. и неуставовленных лиц унижают и оскорбляют чувства значительной группы граждан в данном случае по признаку отношения к ре-

лигии, возбуждают у них ненависть и вражду, тем самым нарушают конституционные устои государства». Перечитал несколько раз, подергал себя за ухо. Вон оно как! Сразу не догадался. <...> Когда слушал трансляцию в Интернете, не поверил своим ушам. Когда читал, отказывался верить своим глазам. Считал, что такого не может быть, потому что не может быть никогда. Сказать, что суд грубо нарушил закон — значит ничего не сказать [12].

Данный пример состоит из нагнетания комбинаций цитат и экспрессивно-стилистических средств: антифразис (*получите позитив*); эмоционально окрашенная лексика (*произвол, пассаж*); риторические вопросительные конструкции (*У кого? К кому?*); гипербола, мейозис (*подергал себя за ухо; значит ничего не сказать*); лексико-синтаксический параллелизм (*Когда слушал трансляцию в Интернете, не поверил своим ушам. Когда читал, отказывался верить своим глазам*); риторические восклицания (*Вон оно как!*) и т.д. Если убрать из текста все экспрессивно-стилистические фигуры языка, исключить эмоциональную лексику, то в анализируемом фрагменте останутся только две цитаты из судебного решения. Поэтому мы можем говорить о неразделимом синтезе фигур интертекста (цитат) и экспрессивно-стилистических языковых средств, без которого фрагмент текста не имел бы убедительной силы.

Опираясь на материалы судебного дела, цитаты могут функционировать в комбинации с другими цитатами. Сопоставление нескольких приемов цитирования также может выполнять функцию опровержения тезиса: *Одно из основополагающих конституционных прав гражданина, закрепленное в части первой статьи 49 Конституции РФ, гласит, что вина гражданина в совершении преступления может быть установлена лишь приговором суда. Аналогичное положение содержит пункт 28 части 1 статьи 5 УПК, согласно которому решение о виновности подсудимого и назначение ему наказания (либо освобождение от такового) принимается только в приговоре. Несмотря на эти требования закона, суд, вынужденный в итоге все же принять решение о прекращении дела по этому эпизоду, вынес определение, в котором вопреки указанному закону признал Ходорковского виновным в совершении преступления. Таким образом, надругавшись над законностью, суд потрогал обвинению, приняв судебный акт (определение суда),*

признающий Ходорковского и Лебедева виновными в совершении мошеннических действий и по этому эпизоду [1].

В оппозиции к юридическим источникам цитаты находятся неюридические. По характеру неюридического текста-донора можно выделить разновидности цитат.

Библейские цитаты. Несмотря на то, что суд и вероисповедание в нашем государстве отделены друг от друга, на ментальном уровне обращение к Священному Писанию может выполнять роль аргумента к традиции или к авторитету: *Процитированный текст носит вполне определенный характер. Он омерзителен. Первое право человека, закрепленное во всех международно-правовых актах, — это право на жизнь. Первая нравственная заповедь, объединяющая все мировые религии, — «Не убий». В пяти фразах, составляющих цитату, восхваляется убийство, прославляется геноцид* [13].

Художественные цитаты. Их пре-текст основан на художественных произведениях: *Он любил, и думаю, что это была не просто страсть, которую нужно утолить. Это была любовь, когда знаешь, что не просто спать, а дышать и жить дальше можно только рядом с этой женщиной и только для нее. В показаниях Раскина есть одна характерная фраза: «Мне все время хотелось быть там, где Тамара». Это очень точно сказано. Сравните эту фразу с фразой Бальзака, большого знатока человеческих душ: «Мы любим женщин за счастье жить рядом с ними». И вот он совершенно точно знал, что жить дальше сможет только для нее, что рядом с ней он будет счастлив, а вдали несчастлив. И так на всю жизнь* [15]. Цитата Бальзака в данном случае выполняет задачу усиления тезиса, выступая в роли психологического аргумента к авторитету. Нельзя не отметить в цитатах, которые вплетают в ткань повествования отрывок художественного текста, эстетическую функцию.

Публичные цитаты, которые опираются на неюридические тексты политиков, культурных деятелей, лидеров общественного мнения и проч.: *По этому пути пошел в свое время губернатор Краснодарского края Александр Ткачев, когда закрывал двадцать два детских дома. Он собрал педагогов, которые не работают по специальности, и сказал: «Уважаемые дамы и господа, вас родина, государство учило. Вы готовые воспитатели и детские психологи. Пожалуйста, давайте, я буду*

вам платить как приемным родителям, а вы будете детей забирать» [16].

II. Горизонтальный / вертикальный источник. Если визуально представить текст в виде горизонтальной линии с вектором слева направо, интертекстуальность может формироваться в конкретной точке текста, опираясь на «левую часть» данного текста – на уже использованные в тексте фразы, описанные ранее события и т.д. «Левая часть» текста будет являться горизонтальным источником цитаты. Если опора интертекстуальной связи приходится на другой текст, «внешний по отношению к воспринимаемому» [11, с. 13], то такой источник будет называться вертикальным.

Обращение к горизонтальному источнику цитаты позволяет оратору ставить акцент на ключевом во фрагменте текста тезисе, лишний раз подчеркнуть важный в своей речи момент: *Вы спрашиваете про международное право. Я уже несколько раз в эфире говорил: «Не люблю я международное право». Не люблю, потому что это право без санкций, это первое. И второе, оно абсолютно лоскутно и противоречиво* [5]. В данном примере обратим внимание на функцию повтора начального фрагмента цитаты (*«Не люблю я...»*), и в следующем предложении: *«Не люблю, потому что...»*). Данный прием представляет собой анафору – начальный «повтор слова или фразы» [6, с. 315], который служит в данном случае усилению эмоционального воздействия текста и выполняет акцентирующую функцию. Очевидно, что в данном эпизоде нет возможности разграничить риторический повтор (анафору) и фигуру интертекста (цитату) относительно друг друга, т. к. фигура интертекста является основной для построения риторического приема.

В аспекте горизонтального / вертикально-источника интертекстуальности цитата может выступать опорой и для других фигур интертекста: *У меня есть такое выражение: эффект бритья. Когда ты утром бреешься, а девушка, женщина наводит макияж, ты вынужден смотреться в зеркало. И зеркало ты не можешь обмануть по поводу того, что ты вчера сделал, сказал, и как ты себя хорошо вел. Мне кажется, что для человека очень важно в мужском варианте по утрам бриться, глаза не отводя от зеркала. Так вот я боюсь, что многим комментаторам, допускаю мысль, что после окончания второго процесса ЮКОСа, будет очень трудно бриться* [3].

Мы видим, что оратор вводит автоцитату «эффект бритья» (она тут же приобретает и метафорическое значение). После этого он объясняет свою позицию, понимание этого выражения для самого себя. И в конце фразы отсылает нас к своему же горизонтальному предтексту – к метафоре «эффект бритья». Буквально выражение *многим будет трудно бриться* в данном контексте разворачивается в значение «многим будет стыдно за то, что они делают», выполняя эвфемистическую и изобразительную функции на основе интертекстуальных связей. Функциональные возможности интертекста раскрываются здесь не только через цитату (*У меня есть такое выражение: эффект бритья*), но и через текстовую аллюзию (*многим комментаторам, допускаю мысль, что после окончания второго процесса ЮКОСа, будет очень трудно бриться*). Цитата опирается на вертикальный, внешний по отношению к данному фрагменту текст-донор; аллюзия – на цитату, которая является в этом случае горизонтальным текстом-донором для формирования текстовой аллюзии.

III. Авторский / заимствованный источник. Цитата в юридическом дискурсе нередко опирается не только на заимствованные по отношению к оратору тексты, но и на собственный его текст. Цитирование самого себя, автоцитата помогает выразить свою позицию, прокомментировать предмет или явление. Более того, выражение своей мысли в форме цитирования придает больший вес слову, выглядит более объективно и убедительно, чем простое авторское высказывание: *Меня сильно звали в политику: я умею складно говорить, и голос у меня такой зычный. Но я все время говорю: адвокат, если ты профессионал, ты не можешь открыто политизироваться* [7].

IV. Иностраный/русскоязычный источник. Цитатам, которые опираются в рамках юридического дискурса на тексты родного языка, противопоставляются цитаты с источником на иностранном языке. Стоит отметить, что современные юристы не цитируют иностранные источники дословно, а вводят уже адаптированный для аудитории перевод: *Вот, я призываю людей думать. Вот, почему эта история на Украине происходит? Почему? Почему всё, начиная с 2004 года? Почему это происходит? Кому это выгодно? Древнеримские юристы – вы знаете – «Кому это выгодно?» Вот, анализируйте, кому это выгод-*

но? Это украинцам то, что происходит, это выгодно?» [5].

Оратор употребляет перевод известного латинского выражения «*Cui prodest? Cui bono?*», авторство которого принадлежит знаменитому юристу Кассиану Лонгину Равиллу. Этот юрист рекомендовал судьям в любом судебном деле искать, кому может быть выгодно данное преступление. Такой путь мышления должен привести к виновному. При помощи цитаты г-н Барщевский также предлагает аудитории включить подобную логику. Нельзя не отметить, что фразу *кому это выгодно* юрист повторяет несколько раз подряд, явно акцентируя ее. Все эти повторы связаны между собой интертекстуальными отношениями (с позиции горизонтального контекста), тогда как каждый из них отсылает и к первоисточнику – латинскому выражению (с позиции вертикального пре-текста). Цитата выполняет функцию акцентирования и функцию формирования интертекстуального смысла. При этом сам оратор подчеркивает свою эрудированность включением в текст цитаты иностранного источника. Отметим, что оратор не называет конкретного автора источника цитаты. С нашей точки зрения, подобные примеры все равно можно отнести к цитате, т. к. сохраняется условие атрибуции (ссылка на источник – *древнеримские юристы* – соблюдается).

В рамках юридического дискурса можно увидеть примеры адаптированной цитаты с вкраплением иностранных слов первоисточника. Слова и фразы, которые сохраняют иностранное звучание в русском контексте, в современных условиях глобализации становятся понятны для аудитории: *В итоге они поняли и приняли нашу позицию. Сьюзен Джейкобс очень хорошо сказала: «О'кей, вы вправе сами отвечать за свои решения, а время проверит их верность». И мы договорились, что с этого момента никаких больше детских списков нет и не будет* [8]. Английское *о'кей*, понятное современному носителю русского языка, воспроизводит звучание иностранной речи, тем самым не в ущерб ясности, служит изобразительности речи.

V. Достоверный / сомнительный источник. К случаям сомнительного источника цитаты в юридическом дискурсе можно отнести невозможность определить достоверность текста-источника цитации: *Если мне память не изменяет, то, по-моему, в законе о защите прав потребителей там есть по поводу самолетов. Задержка свыше 3 часов – 3% в час за каждый час* [4]. Оратор снимает с себя

долю ответственности за достоверность цитаты словами *если я не ошибаюсь, если не изменяет память*. В случае, если ошибка нарочитая, то ответственность разделяется между автором слов и слушателем, который поверил, хотя его и предупредили о возможной неточности. Вышеуказанный пример цитаты легко проверить и отнести к случаям цитаты с достоверным источником. Пункт 5, ст. 28. Закона РФ «О защите прав потребителей» действительно предусматривает оплату неустойки в размере «3% за каждый час». Однако не всегда сомнительные цитаты можно проверить по источнику, в частности, когда он не конкретизируется: *Очень была интересная у меня встреча с одним из руководителей Верховного суда США. Не буду его называть, чтобы не подставлять человека. Он просто давно хотел со мной встретиться и в этот мой приезд попросил встречу такую провести. Он мне говорил: «Да, я тоже очень озабочен, такая ситуация сложилась с детьми... Мы стараемся помогать, понимаем ваши проблемы... Вы имеете полное право и все основания решать проблемы своих сирот так, как считаете нужным...» А потом рассказал: «У меня девочка выросла в семье. Так вот, она вообще приехала в США без визы, без всего. Правда, не из России, а из Украины. Мы ее так и растили, даже удочерить ее не могли, – нелегалка. Но я ее вырастил, сейчас она уже взрослая, получила образование, американское гражданство, работает...» Представляете? Для него, одного из первых лиц в иерархии Верховного суда, – тоже нормально, что появился такой ребенок без документов...*[8].

Оратор использует формулу (*Не буду его называть, чтобы не подставлять человека*), которая может формировать аргумент к незнанию. Этот вид психологического аргумента рассчитан на неосведомленность оппонента и аудитории об истинности доводов оратора. Оратор заявляет, что не может назвать источник цитаты из морально-этических соображений. Тем самым проверить истинность высказывания источника цитаты практически невозможно. Статус цитаты, которая опирается на сомнительный источник, остается спорным.

Проведенный нами анализ цитат в текстах юридического дискурса позволяет говорить о следующем. Наиболее частотны в юридическом дискурсе цитаты, опирающиеся на юридический источник. В этом случае цитация становится средством убеждения, помо-

гает оратору разъяснять и аргументировать свою позицию. Закон олицетворяется и становится авторитетом, ссылка на который безоговорочно воспринимается в сфере юриспруденции. Юрист, который цитирует данный свод текстов, в частности по памяти, находится в сильной речевой позиции. Цитирование «аксиом» правовой сферы подчеркивает компетентность оратора-юриста. Опираясь в цитации на материалы суда и официальные документы, оратор в большинстве случаев дает им оценку. Цитата в этом случае нередко играет роль тезиса оппонента (по отношению к оратору). Тезис оппонента опровергается при помощи как других фигур интертекста (логическая составляющая аргументации), так и комбинаций экспрессивно-стилистических средств и психологических аргументов (эмоциональная, психологическая составляющая аргументации). Неюридические источники цитаты (Священное Писание, литература, публичные выступления) усиливают позиции тезиса оратора, украшают текст, выполняя эстетическую функцию.

Цитата в ряде случаев неотделима от конкретных риторических приемов (в случае с различными видами повторов, развернутыми метафорами, психологическими аргументами). Автоцитаты позволяют выразить авторское отношение к предмету разговора или спора, акцентировать внимание на том или ином фрагменте текста. Цитаты иностранных источников формируют интертекстуальный смысл, отсылая нас к тексту-донору, могут служить изобразительности речи.

Таким образом, мы можем утверждать, что в рамках юридического дискурса цитаты полифункциональны. Они вступают в структурно-функциональную связь с экспрессивно-стилистическими средствами языка, что позволяет говорить о конвергенции интертекстуальных и элокутивных средств. Последние обрамляют и украшают цитату, увеличивают ее функциональную силу. Интертекстуальность в речи оратора-юриста переплетается с логикой текста, цитаты синтезируются с собственными доводами оратора и контраргументами стороны оппонента. Все это говорит о том, что цитата в юридическом дискурсе выступает в качестве инструмента убеждения и доказательства. При этом в изучении цитаты необходимо учитывать достоверность источника текста-донора. Статус цитаты, которая опирается на сомнительный источник, остается спорным.

Литература

1. Адвокат Генрих Падва о Михаиле Ходорковском [Электронный ресурс] // Newsland : информационно-дискуссионный портал. URL : <http://newsland.com/news/detail/id/771920>.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл., 1990. С. 136–137.
3. Барщевский М. Стенограмма эфира передачи «Особое мнение» (от 14.07.2009) [Электронный ресурс] // Радиостанция «Эхо Москвы» : сайт. URL : <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/605338-echo/#element-text>.
4. Барщевский М. Стенограмма эфира передачи «Особое мнение» (от 14.09.2010) [Электронный ресурс] // Радиостанция «Эхо Москвы» : сайт. URL : <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/710338-echo/#element-text>.
5. Барщевский М. Стенограмма эфира передачи «Особое мнение» (от 04.03.2014) [Электронный ресурс] // Радиостанция «Эхо Москвы» : сайт. URL : <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1271174-echo/#element-text>.
6. Волков А.А. Основы риторики. М. : Академ. проект, 2003.
7. Генри Резник: Наш суд не ведает сомнений [Электронный ресурс] // Новая газета : электрон. период. изд. 2013. 16 дек. URL : <http://www.novayagazeta.ru/society/61467.html>.
8. Зачем Астахов ездит в Америку (интервью Павла Астахова «Российской газете» от 12.08.2013) [Электронный ресурс] // Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка : официальный сайт. URL : <http://www.rfdeti.ru/files/smi-7759-rg-12-08-2014.pdf>.
9. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. 4-е изд., стер. М. : КомКнига, 2007.
10. Львов М.Р. Риторика. Культура речи. М. : Academia, 2003.
11. Москвин В.П. Интертекстуальность: понятийный аппарат, фигуры, жанры, стили. М. : URSS, 2011.
12. Резник Г.М. Апофигей неправосудности (от 29.08.2012) [Электронный ресурс] // Новая газета : электрон. период. изд. 2012. 29 авг. URL : <http://www.novayagazeta.ru/comments/54157.html>.
13. Речь адвоката Г.М. Резника по делу журнала «Наш современник» (01.04.2003 г.) [Электронный ресурс] // Закон : интернет-журн. URL : http://proknadzor.ru/analit/show_a.php.
14. Речь адвоката Г.П. Падва в защиту Каулина [Электронный ресурс] // Адвокатская палата Воронежской области : сайт. URL : <http://www.advpalata.vrn.ru/orator2.html>.
15. Речь адвоката С.Л. Ария по делу Раскина В.Б. [Электронный ресурс] // Адвокатская палата Воронежской области : сайт. URL : <http://www.advpalata.vrn.ru/orator3.html>.

16. Уполномочен помогать детям (интервью Павла Астахова журналу «Эксперт-Online») [Электронный ресурс] // Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка: официальный сайт. URL: <http://www.rfdeti.ru/files/smi-8190-expert-12-03-2014.pdf>.
17. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М. : КомКнига, 2007.
18. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учеб. пособие. М. : Либроком, 2009.
19. Шварцкопф Б.С. О некоторых лингвистических проблемах, связанных с цитацией // Sign. Language. Culture. Mouton, 1970.
20. Culler J. The Pursuit of Signs: semiotics, literature, deconstruction. Cornell Univ. Press, 2002.
- * * *
1. Адвокат Генрих Падва о Мihaile Hodorkovskom [Elektronnyiy resurs] // Newsland : informatsionno-diskussionnyiy portal. URL : <http://newsland.com/news/detail/id/771920>.
2. Arutyunova N.D. Diskurs // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar / gl. red. V.N. Yartseva. M. : Sov. entsikl., 1990. S. 136–137.
3. Barshevskiy M. Stenogramma efira peredachi «Osoboe mnenie» (ot 14.07.2009) [Elektronnyiy resurs] // Radiostantsiya «Eho Moskvyyi» : sayt. URL : <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/605338-echo/#element-text>.
4. Barshevskiy M. Stenogramma efira peredachi «Osoboe mnenie» (ot 14.09.2010) [Elektronnyiy resurs] // Radiostantsiya «Eho Moskvyyi» : sayt. URL : <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/710338-echo/#element-text>.
5. Barshevskiy M. Stenogramma efira peredachi «Osoboe mnenie» (ot 04.03.2014) // Radiostantsiya «Eho Moskvyyi» : sayt. URL : <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1271174-echo/#element-text>.
6. Volkov A.A. Osnovyi ritoriki. M. : Akadem. proekt, 2003.
7. Genri Reznik: Nash sud ne vedaet somneniy [Elektronnyiy resurs] // Novaya gazeta : elektron. period. izd. 2013. 16 dek. URL : <http://www.novayagazeta.ru/society/61467.html>.
8. Zachem Astahov ezdit v Ameriku (intervyu Pavla Astahova «Rossiyskoy gazete» ot 12.08.2013) [Elektronnyiy resurs] // Upolnomochennyiy pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po pravam rebenka : ofitsialnyiy sayt. URL : <http://www.rfdeti.ru/files/smi-7759-rg-12-08-2014.pdf>.
9. Kuzmina N.A. Intertekst i ego rol v protsessah evolyutsii poeticheskogo yazyika. 4-e izd., ster. M. : KomKniga, 2007.
10. Lvov M.R. Ritorika. Kultura rechi. M. : Academia, 2003.
11. Moskvina V.P. Intertekstualnost: ponyatiynyy apparat, figuryi,
12. Reznik G.M. Apofigei nepravosudnosti (ot 29.08.2012) [Elektronnyiy resurs] // Novaya gazeta : elektron. period. izd. 2012. 29 avg. URL : <http://www.novayagazeta.ru/comments/54157.html>.
13. Rech advokata G.M. Reznika po delu zhurnala «Nash sovremennik» (01.04.2003 g.) [Elektronnyiy resurs] // Zakon : internet-zhurn. URL : http://proknadzor.ru/analit/show_a.php.
14. Rech advokata G.P. Padva v zaschitu Kaulina [Elektronnyiy resurs] // Advokatskaya palata Voronezhskoy oblasti : sayt. URL : <http://www.advpalata.vrn.ru/orator2.html>.
15. Rech advokata S.L. Ariya po delu Raskina V.B. [Elektronnyiy resurs] // Advokatskaya palata Voronezhskoy oblasti : sayt. URL : <http://www.advpalata.vrn.ru/orator3.html>.
16. Upolnomochen pomogat detyam (intervyu Pavla Astahova zhurnalu «Ekspert-Online») [Elektronnyiy resurs] // Upolnomochennyiy pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po pravam rebenka: ofitsialnyiy sayt. URL: <http://www.rfdeti.ru/files/smi-8190-expert-12-03-2014.pdf>.
17. Fateeva N.A. Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstualnosti. M. : KomKniga, 2007.
18. Chernyavskaya V.E. Lingvistika teksta: Polikodovost, intertekstualnost, interdiskursivnost : ucheb. posobie. M. : Librokom, 2009.
19. Shvartskopf B.S. O nekotorykh lingvisticheskikh problemakh, svyazannykh s tsitatsiyey // Sign. Language. Culture. Mouton, 1970.
20. Culler J. The Pursuit of Signs: semiotics, literature, deconstruction. Cornell Univ. Press, 2002.

Interdiscursiveness of the diplomatic discourse

There is considered the issue of interdiscursiveness of the diplomatic discourse. The expression “institutional character of the discourse” is represented as the key one, which means that there are various types of discourse that appear in different institutions. There are given the examples of interaction of the diplomatic discourse with others (political, mass media discourse, juridical and military discourses), shown the way they cross.

Key words: *diplomatic discourse, mass media discourse, juridical discourse, military discourse, interdiscursiveness, institutional character.*

(Статья поступила в редакцию 8.07.2014)